

The background of the entire page is a photograph of a sunset. The sun is a large, bright, glowing orb on the left side, partially obscured by a thin layer of clouds. Its light reflects on the wet sand of a beach in the foreground. In the distance, a range of dark, silhouetted mountains or hills stretches across the horizon. The sky transitions from a deep orange near the horizon to a pale blue at the top. The overall mood is serene and contemplative.

Анте Наудис

ПРИДОРОЖНОЕ СОЛНЦЕ

*роман основан
на реальных событиях*

Анте Наудис

**Придорожное солнце. Роман
основан на реальных событиях**

«Издательские решения»

Наудис А.

Придорожное солнце. Роман основан на реальных событиях /
А. Наудис — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855350-9

Действия романа «Придорожное солнце» происходит в годы выхода Латвии из состава СССР, в городе Риге, когда жизнь простых школьников превращается в настоящее противостояние. Главная героиня Айна рождена в смешанной (русско-латышской) семье, и это дает ей преимущество в выборе жизни. Роман состоит из трех частей, в которых рассказывается о школьных реформах и взаимоотношениях героини с одноклассниками, которые оказали влияние на ее дальнейшую судьбу.

ISBN 978-5-44-855350-9

© Наудис А.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Таня Правдина	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Придорожное солнце

Роман основан на реальных событиях

Анте НAUDис

© Анте НAUDис, 2017

ISBN 978-5-4485-5350-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

моим одноклассникам посвящается...

Часть 1. Таня Правдина

Глава 1

Рига самый крупный город Прибалтики, являющейся экономическим и культурным центром Латвии. Город находится на обоих берегах реки Даугавы, недалеко от впадения ее в Рижский залив, который соединится с Балтийским морем. Город Рига когда-то был крупнейшим портом и одним из важнейших промышленных рыбодобывающих центров в России, но в 1991 году Латвия обрела независимость, выйдя из состава СССР и став Латвийской республикой.

Латвия всегда была прекрасной страной зеленых лесов, голубых рек и озер, подарившая мне детство у моря и школьные годы, которые я запомнила, как золотую пору на всю последующую жизнь. Меня зовут Айна Силя, в 90-х годах я училась в русской школе в Риге. Общество стало делиться по национальному признаку, и эти годы оказали сильнейшее влияние на молодежь, которая старалась стремительно подражать Западу.

Я родилась в семье смешанного брака, моя мама была русской, а отец латышом. Мама родила двойню, это были «разнойцовые» близнецы мальчик и девочка, не очень похожие друг на друга. Айварс, так называли моего брата, больше походил на мать: брюнет с зелеными глазами и плотным крепким сложением. Я пошла в отца, став его уменьшенной копией. У меня были рыжие волосы, выющиеся на концах, светлые глаза Балтийского моря и худощавая фигура. Отец сразу окрестил меня папиной дочкой и брал на море с 5-летнего возраста. Мама занималась воспитанием Айварса, растущим активным и подвижным ребенком. В семье было полное разделение обязанностей, отчего она существовала слажено и дружно.

Жизнь Латвии столетиями связана с морем, вдоль всего латвийского побережья разбросаны рыбацьи поселки. Мы жили в одном из них, где жизнь проходила у моря. Некоторые из поселков потом выросли в небольшие портовые городки, где море с каждым годом все больше наступает на прибрежные строения, и можно видеть, как некоторые из домов уже превратились в полуострова. В пятидесяти километрах от Риги, по берегу Рижского залива, находятся маленькие рыбацьи порты.

Kesterciems, Plienciems, Ragaciems, Klapkalnciems богаты рыбой с отличными возможностями для рыбалки. Сейчас они превратились в места отдыха дачников и туристов, которые приезжают на озеро Kanieris.

Отец был рыбаком, ходил в море и занимался промышленным ловом рыбы. В последнее время он много работал, но в 90-х годах рыбная промышленность стала приходить в упадок, дела шли плохо. У отца случился первый сердечный приступ, который надолго приковал его к кровати. В море он выходил реже, а потому наша семья начала претерпевать некоторые лишения. Ветхий дом уже разрушился, а денег на ремонт совсем не было. Мы стали на очередь по улучшению жилищных условий, когда многим выделяли квартиры в городе. Здесь подействовала папина сестра, которая очень его любила и всегда помогала нашей семье. Однако в двухкомнатную квартиру нового дома мы переехали уже без отца. Мама устроилась на конфектную фабрику «Laima», а нас отправили в ближайшую школу. Школа находилась в 15 минутах от дома, мама уговорила директора Вию Ивановну Круминьш определить нас в 9 «Б» класс, где сразу же предстояло приступить к обучению.

Я была замкнутой девочкой, из класса практически ни с кем не общалась. Смерть отца меня слишком потрясла, чтобы открыться миру. Айварс, несмотря ни на что, обзавелся друзьями и, благодаря его авторитету, меня уважали и не сбрасывали со счетов. Если бы не одна фамилия, никто бы и не подумал, что мы родные брат и сестра, настолько гены моих родите-

лей еще при зачатии вели между собой латышско-русскую войну, образовав двух совершенно разных детей.

Осень выдалась теплая, и на улице стояло *бабье* лето. Мы с Айварсом после уроков решили прогуляться по городу. В центре Риги расположена гигантская Brivibas Pieminekļis, являющаяся местом, где собираются горожане. Монумент увенчан фигурой девушки, олицетворяющей собой свободу. Она держит в вытянутых руках три звезды и символизирует единство Латвии. Вначале 90-х монумент стал духовным центром нации, символом стремления людей к независимости. Во время праздников и военных парадов жители Риги собирались на площади перед Brivibas Pieminekļis.

Мы стояли с братом и, задрав подбородки, рассматривали звезды на стеле. В этот момент я услышала за спиной девичий голос.

– Хороша Милда...

– Да, что-то в ней есть необычное, но латышей задевает празднование 9 мая, – отвечал другой девичий голос.

– Все же если бы не Советская Армия, быть бы латышам в рабстве у немцев.

– Пили сейчас бы пиво и смеялись.

– И своего пива хватает.

Мы с Айварсом синхронно повернулись, чтобы посмотреть, кому принадлежат голоса. Чаще русские статую Свободы называют Милдой. Перед нами стояли две девчонки, и я сразу же определила, что они учатся в параллельном классе нашей школы, потому как одну из них не раз видела на перемене. Она, видимо тоже узнав нас, расплылась в широкой улыбке.

– Привет, в одной школе учимся?

– Ну да, – ответил Айварс.

– Ты Айварс, я тебя знаю, а это твоя одноклассница?

– Это моя сестра, – ответил брат и улыбнулся.

– Вижу, что вы похожи.

– Правда?

– Ну да.

– А вас как зовут? – спросил Айварс.

– Я Таня Правдина, а это моя одноклассница и по совместительству лучшая подруга Лена Костюшкина, мы учимся в 9 «А» классе. Слышали о таком? – с гордостью произнесла она.

– Да...

– Мы лучшие ученицы среди всех 9-х классов, патриоты своей страны. Вы тоже пришли полюбоваться Милдой?

Мы кивнули.

– Тогда предлагаю вам дружбу, – сказала Таня и протянула мне ладонь.

«Предприимчивая девочка», – подумала я и протянула ей навстречу свою руку. Затем ладони пожали Айварс и Лена.

С этого дня началась дружба четверки. Так как мы учились в параллельных классах, то встречались преимущественно на переменах, обменивались новостями и просто бегали по школе. После уроков ждали друг друга на крыльце, чтобы вместе идти домой или во двор. Оказалось, что мы, ко всему прочему, живем в одном доме, что скрепило нашу дружбу еще крепче.

В 1991 году светлое будущее Латвии совсем растворилось в тумане, и «Витрина СССР», как ее называли в России, исчезла с политической карты мира. На горизонте той же карты появилась маленькая, но очень гордая и независимая республика светло-зелёного цвета, над которой замаячили НАТО и Евросоюз.

9 «А» класс был образцовым классом, на который равнялась вся школа. В нем и учились Таня Правдина и Лена Костюшкина, считавшиеся лучшими ученицами. В «А» класс собрали

учеников, которые отличались хорошей успеваемостью и активным участием в жизни школы. Мы с Айварсом были в 9 «Б» классе, который считался классом с математическим уклоном. Это был экспериментальный класс, где молодая учительница Илзе Римша преподавала математику. Илзе недавно закончила институт, попав по распределению в нашу школу, в которой решила проявить себя в полной мере. Это была худощавая женщина в очках, тёмные волосы, подстриженные под каре, придавали ей достаточно модный вид. Носила она исключительно короткие юбки, чем и завоевала внимание учеников. Однако, несмотря на молодой возраст ее уважали, потому что Илзе погружалась в свой предмет так, будто была профессором математики. Если в других классах она относилась к своему предмету с долей равнодушия, то 9 «Б» она третиговала так, что иной отличник скатывался у нее по математике до тройки. Ей поручили курировать 9 «Б» и, вскоре, она стала классным руководителем у нас.

В 9 «А» образцово-показательном классе, где была собрана вся элита учеников, классным руководителем была Наталья Иосифовна Венгер, фамилия и отчество которой говорят сами за себя. Сделать такой класс была ее идея, потому что она считала, что лучшие должны учиться с лучшими. Наталья Иосифовна была замужней дамой, у нее было двое детей, которые учились в младших классах нашей школы. Она занималась с ними предметами день на пролет, чтобы в дальнейшем они попали в элиту, которую тоже сформируют из лучших. Венгер преподавала географию и биологию, а также все другие дисциплины, связанные с естествознанием. Ее внешность была безупречной, волосы сколоты, всегда строгий пиджак и юбка ниже колен. Выглядела она достаточно старомодно и требовала от учеников, прежде всего, аккуратности и скромности.

Остальные пять классов были самыми обыкновенными, а потому о них не стоит даже рассказывать. Знакомство с учениками нашего класса проходило у меня под чтение фамилий, когда Илзе прогоняла фамилии по журналу на уроке математики. Мы должны были встать и сказать: «я».

– Сергей Речистов.

– Я.

– Нина Бурдух.

– Я.

– Кристина Заке.

– Я.

– Андрис Ведавас.

– Я.

– Павел Синькин.

– Я.

– Айварс Силиня.

– Я.

– Айна Силиня.

– Я, – сказала я и встала со своего места.

«Интересно, а классная в классе Тани Правдиной тоже так всех прогоняет по списку, – подумала я, – жаль, что я не попала в 9 „А“ класс, были бы у меня такие подружки как Таня с Леной»

– Силиня! Ты меня слышишь?

– А? Что?

– Садись, говорю, – Илзе махнула рукой.

Класс рассмеялся. Моя мечтательность и рассеянность не раз приводила вот к таким смешным моментам. Однако, я не обижалась, потому что класс попался дружный. Здесь главное было хорошо знать математику, и тогда жизнь будет казаться легкой. По окончании

школы нам всем говорили, что наш класс будут зачислять только с одним экзаменом в Latvijas Universitaate, на математический факультет.

Латвийский университет – самый большой университет Латвии. Тогда это считался один из важнейших в образовании университетов, и все хотели поступать именно туда. Его девиз тогда гордо звучал: Zinaatnei un Teevzemei (Науке и Отчизне). Там училось большинство наших учителей. Однако я заранее знала, что быть учителем математики не желаю. Математику я бы применила лучше в экономической сфере или в бухгалтерии. Поэтому рисовала себе в голове перспективы того, что стану экономистом или финансистом. Лучше считать деньги, чем пустые числа.

Глава 2

В девятиэтажных домах часто ломался лифт. 90-е годы принесли в Латвию бандитизм, воровство и сексуальную революцию. Обесценившиеся деньги сделали людей бедняками в одночасье, заставив пуститься в разгул. Воровали все, что плохо лежит. Из машин доставали магнитолы и продавали на черном рынке, взламывали запертые коридорчики квартир и утаскивали овощи, припасенные на зиму, обворовывали граждан в троллейбусах. Воровством занимались в основном подростки, они были попроворнее, остальные пытались распродавать накопленное имущество.

Лифтовое оборудование содержит деталь, которая называется реле. В девятиэтажных домах, на последнем этаже к выходу на крышу, находится лифтовая площадка с кабиной управления лифтом, запертая на ключ управляющим ЖЭК. Если ее открыть, то можно получить доступ к лифтовому оборудованию, а в частности к деталям реле. Реле состоит из медной намотки, а медь в то время очень ценилась, ее можно было сдать и получить неплохую сумму. Об этом прознали подростки, и лифтовые кабины начали взламываться. Шпана залезала в лифтовое оборудование прямо на ходу движущейся кабины. Кабина останавливалась и долго простаивала, пока не вызывали лифтера, нажав желтую кнопку с изображением колокольчика. Лифтер был занят и не мог разорваться на всех, приходил минимум через час или вообще не отвечал на вызов, так как попросту отсутствовал на месте. Воры действовали быстро, чтобы не быть пойманными, убегали через крыши домов. Лифты потом долго стояли сломанными, и жители подъездов вынуждены были ходить пешком.

Таня Правдина жила на девятом этаже. Это была упитанная девочка, с карими глазами и темно-каштановыми вьющимися волосами, внешностью чем-то похожая на Филиппа Киркова в молодости. Об этом ей все говорили во дворе, и она гордилась, что имеет такую неординарную внешность, распускала свои прекрасные волосы по плечам и улыбалась.

– Айна, – сказала она мне как-то, когда мы в очередной раз гуляли по улице после уроков, встретившись во дворе. – Я хочу тебе кое в чем признаться, рассказать нечто такое, что давно меня волнует.

– Что это? – заинтересовалась я.

– Одну сердечную тайну. И я могу рассказать только тебе одной, потому что она косвенно связана с тобой.

Это меня еще больше заинтересовало и я оживилась.

– Пойдем ко мне, мама во вторую смену, – сказала загадочно Таня. – Поговорим в спокойной обстановке.

Мы направились в подъезд где она жила, проходя мимо моего подъезда. Мы жили в соседних подъездах, обе на девятом этаже. Друг к другу в гости мы ходили через крышу. Так было ближе, всего лишь с девятого этажа подняться на лифтовую площадку по железной лесенке, а с нее на крышу, а там пройти до следующего козырька и также спуститься через лифтовую площадку вниз по железной лесенке до своей квартиры. Таня, в силу своей природной полноты, была немного неповоротливой, потому ходить через улицу ей было лень. Ходить через крышу было быстро и прикольно.

В этот день мы с Таней находились на улице, шли к ней домой, думая, как обычно, пооткровенничаем у нее дома и, наслушавшись музыки по магнитофону «Весна», который отец привез ей из Москвы, спокойно разойдемся. Я пойду к себе домой через крышу, а она дожидется маму с работы. Однако, именно в тот день местная шпана шла на очередное дело по краже лифтового реле, среди которых находился мой брат.

Вооружившись отвертками, кусачками, пассатижами, на поясных сумках и другими инструментами для быстрого взлома, взятыми втихаря из хозяйственных шкафов отцов, парни

притаились на лифтовой площадке подъезда Тани Правдиной. Айварс, как и я, частенько ходил к Тане в гости через крышу, а также спускался с ребятами к Ленке Костюшкиной, которая жила на 3 этаже этого же подъезда. Ходить к друзьям через крыши стало модным у молодежи нашего дома, и те кто жил на девярых этажах вообще перестали ходить по улице и, даже, на прогулку стали выходить на крышу, покурить и потрепаться о жизни.

Когда мы с Таней зашли в лифт, мы не знали, что в это время сверху на лифтовой площадке происходит взлом двери лифтового оборудования тремя подростками, среди которых принимает участия мой брат. Таня вошла в лифт с предвкушением откровенной беседы.

– У меня новая кассета, – сказала она, дождавшись пока я войду следом за ней. – Отец снова из Москвы привез, зарубежная группа «МО-DO», немецкая, слышала их хит?

– Дашь послушать? – заинтересовалась я, и она нажала кнопку девятого этажа.

Лифт тронулся, гудя поплыл вверх, запрограммированный кнопкой на девятый этаж. Шпана работала быстро, медные реле вынимались за считанные секунды, а потом нужно было бежать через крышу, «рассыпаясь» по разным подъездам, чтобы замести следы. Встречались сообщники в условное время в каком-нибудь дворе другого дома и делили добычу. На «лифтовое дело» ходили трое ребят, так было положено, потому что, пока двое орудовали, один должен был стоять «на шухере». Стоять на шухере – значит сторожить на девятом этаже, то есть смотреть, чтобы никто из жителей подъезда не просек, что творится наверху и вовремя подать сигнал ребятам, чтобы они смогли убежать через крышу в случае опасности. «На шухере» в тот день стоял Айварс.

Лифт вез долго, и когда кабина приехала на девятый этаж, она внезапно остановилась. Открытие дверей не случилось. Видимо именно в этот момент один из молодых воров вынул какое-то реле, и вся система лифта внезапно отключилась. Мы замерли, не понимая в чем дело и почему двери не открываются. На этом этаже находилась квартира Тани, мы услышали, как соседняя дверь открылась. Это вышла соседка, чтобы вынести мусор. Видимо она спугнула воровскую шпану. Айварс подал условный сигнал, громко закашлялся, и ребята, схватив все что было, выскочили из шахты лифта, ринувшись в узкое окошко на крышу. Айварс спустился на 8-й этаж и затаился, пока соседка выбросит мусор в мусоропровод и уйдет, чтобы вновь подняться на 9-й, затем пробраться по железным ступеням к лифтовой площадке, а за ней нырнуть на крышу вслед за ребятами.

Мы притаились в лифте тоже, потому как Таня не захотела открываться соседке в том, что ведет меня к себе домой. Та, слышавшая старой сплетницей, всегда жаловалась ее матери. А мама не любила гостей, а в особенности подруг, которые приводили за собой мальчиков. Когда соседка, выбросив мусор, удалилась к себе, хлопнув дверью коридорчика, до нас вдруг начало доходить, что мы застряли в лифте и зря не позвали ее на помощь.

– Мы, кажется, застряли, – сказала Таня.

– Вызываем лифтера? – спросила я.

– Жми.

Мы уже знали, что вызвать лифтера, нажав на кнопку сложно, потому что сломанные лифты эта такая актуальная проблема бандитских 90-х, а маленькая и неблагодарная зарплата лифтера – это проблема вообще. Как мы ни тискали кнопку, нам никто не отвечал. И тогда на Танином лице появилось выражения уныния, но мы не заскучали.

– Айна, – оживилась Таня и ее «болгарские» глаза засветились. – А давай я воспользуюсь такой обстановкой и расскажу то, что хотела рассказать дома.

– Давай.

– Я влюбилась, Айна! – она светилась от радости.

– В кого?

– В твоего брата, – призналась она, опустив темные ресницы.

– Правда? – не поверила я.

– Да, и хочу добиться его расположения, – ее щеки покрыл румянец.

– Скажешь ему об этом?

– Я хочу с ним настоящей любви.

– Это как?

– Это в полной мере.

Я задумалась, а она, коснувшись моего подбородка, усмехнулась.

– Ну ты что? Думаешь, твой брат не подходящий человек? Давай подумай, он же мальчик, а я девочка – нам вместе по дороге.

– А мне?

– А тебе... – она задумалась. – А ты будешь при дороге.

В лифте было очень тесно и немного душно. Мы стояли вплотную, и я заметила, что в ее карих глазах блеснул странный озорной огонек.

– Вы же с Айварсом близнецы! – выкрикнула она радостно. – И ты моя лучшая подруга!

– Да...

– Он мальчик, в которого я влюблена. Так что, почему бы мне сначала не потренироваться с тобой?

Ее идея была такой ошеломляющей, что я не могла произнести ни слова, стояла онемев, рассматривая ее лицо, вспыхнувшее новым румянцем.

– Давай начнем с поцелуя, – продолжала Таня.

Она двинулась в мою сторону, приблизив свое круглое лицо. Ее пухлые губы коснулись моих и слегка приоткрылись. Я никогда ни с кем не целовалась, и стало любопытно как это. Закрыв глаза, я приоткрыла рот. Таня прижала мою голову, обхватив руками шею. В тот момент она засунула язык мне в рот. Затем начала облизывать губы, причмокивая. Наверняка она насмотрелась этого в фильмах, которые подпольно привозили из-за границы на видеокассетах. Я тоже видела такой поцелуй, он назывался французский. И вот сейчас мы стояли с ней в лифте и жадно целовались, изображая киношный взрослый поцелуй. И у каждой из нас он был первым.

На Тане был легкий белый сарафан, а я была в шортах и в майке. Не знаю, о чем она думала, но видимо воображала, что я ее парень, потому как театрально откидывала голову и висла на моей шее.

– Ты представляешь Айварса? – спросила я, отстранившись.

– Да, – ответила она и приоткрыла веки. – Ты очень похожа на него, только волосы рыжие.

– Ты в фильме видела, как надо целоваться? – на меня стало находить странное смущение.

– Да и не только это.

– А что еще?

Она провела по моему лицу ладонью, и я почувствовала, как приятный холодок пробежал по спине. В ту же минуту я поймала себя на мысли, что мне становится приятно. Затем она погладила мое плечо, и ее рука опустилась на талию. Такого я не ожидала, но не дернулась, потому что странное теплое чувство овладело моим телом. Когда она провела по бедру рукой, этот жест заставил меня окончательно потерять голову.

– Давай сядем на пол, – сказала она. – Смотри, вон газеты лежат в углу, на них.

Ей удалось странными манипуляциями заставить мой разум отключиться. Словно в тумане я села напротив нее на газете на полу.

– Ты представляешь Айварса? – снова спросила я.

Это было странно, в тесной кабине лифта две девчонки, усевшись друг напротив друга, соприкасались коленями, а руками ласкали друг другу плечи. Мы жадно целовались, и я чувствовала, как во мне стало расти какое-то необузданное, до этого момента не известное, чувство.

– Айна, тебе нравится?

– А тебе?

– Я люблю Айварса, а ты его сестра.

Ее слова кольнули, но сейчас я не могла адекватно реагировать, потому что она, сказав это, придвинулась ко мне ближе и меня накрыло волной страсти... От такого сумасшедшего и чувственного поворота событий, я прерывисто задышала и закрыла глаза.

– Айна, тебе нравится! – почему-то крикнула она и порывисто прижалась ко мне. Жадно целуя, она обнимала меня рукой за шею, прижимая к своим губам...

Я не знаю, сколько это длилось, но когда наступил взрыв, унесший меня на седьмое небо, я поняла, что такое настоящий кайф.

– Супер, Айна!

– Здорово, Таня.

После этого произошли события, которые заставили нас быстро прийти в себя. Неожиданно, двери лифта открылись, и перед нами вырос полицейский. Мы подняли на него головы и попытались встать с пола.

– Разрешите представиться, участковый Гуделис.

За его спиной стоял еще один полицейский, а рядом с ним мы увидели мужчину, очевидно лифтера.

Выходя из душевой кабины, мы заметили Айварса. Дернувшись, словно перед нами было приведение, мы с Таней в один голос произнесли:

– Привет.

Он был странно взволнован, переводил взгляд то на полицейского, то на лифтера. Именно тогда мы и заметили, что Айварс был скреплен с одним из них наручниками. Участковый Гуделис, заметив наше недоумение, объяснил:

– Час назад здесь произошли взлом и кража лифтового оборудования. Этот молодой человек задержан по подозрению в участии. Вас же, девушки, я тоже забираю с собой в участок для разбирательства по делу непристойного поведения во взломанной лифтовой кабине.

Мы опустили глаза от стыда. И, вдруг, услышали голос Айварса:

– Забирайте нас побыстрее! От позора только уберегите!

Вот, оказывается, что случилось с моим непутевым братом. Задержавшись на этаже, после ухода соседки, он услышал знакомые голоса застрявших в лифте. И все, что происходило у нас с Таней в тесной кабине, он видел через щель разболтанных дверей, притаившись на лестничной площадке. Он так увлекся увиденным, что не заметил, как соседи снизу вызвали участкового и лифтера. Впрочем, мы с Таней тоже сильно увлеклись и вообще ничего не замечали.

В тот день нас всех арестовали. Айварса за участие в краже, а нас за непристойное поведение.

Глава 3

В полиции нас всех вместе посадили в одной душной комнате, чтобы расспросить. Айварс со своими подельниками сидел справа, а мы с Таней слева. Участковый Гуделис долго мучил нас расспросами, а потом решил разделить допрос подозреваемых на мальчиков и девочек. Сначала взялся за нас с Таней, посадив Айварса с подельниками в «аквариум», комнату со стеклом, откуда было видно все происходящее.

– Ваши фамилии? – спросил участковый, будто только что нас увидел.

– Татьяна Правдина и Айна Силиня – отвечала Таня.

– В какой школе учитесь?

– В сто шестьдесят седьмой.

– Класс?

– 9 «А» и 9 «Б».

– Что вы делали в лифте в 13.30, когда происходила кража лифтового оборудования?

Битый час мы отвечали ему на одни и те же вопросы, что застряли в лифте и ждали, пока нас вызволит лифтер. Но Гуделиса, по-видимому, интересовали подробности того, что именно мы там делали. В какой-то момент Тане надоело мусолить по много раз одно и тоже и она вспыхнула:

– Я люблю брата своей подруги, неужели вы не понимаете?!

– Тогда объясни, что это было в лифте у вас с сестрой брата твоей подруги? – спросил участковый и понял, что сморозил что-то нелепое.

– Тренировка, – хихикнула Таня.

– Тренировка? – Гуделис странно посмотрел на меня, заметив, что мое лицо приобрело хмурое выражение.

– Ты подтверждаешь? – спросил он.

Я кивнула.

– Тогда я отпускаю твою подругу, а тебя мне придется задержать, потому как твой брат подозревается в краже лифтового оборудования.

– Эй! – возразила Правдина. – Это как вы меня отпускаете? Она его сестра, но я его девушка. Так что давайте задерживайте нас всех вместе!

Сейчас она была готова на все для того, чтобы защитить Айварса, а потому воспользовалась моментом и попросила участкового позвонить ее отцу.

Михаил Правдин часто ездил в Москву в командировки, а потому имел неплохие заработки и связи. Таня рассчитывала на то, что отец как всегда заплатит определенную сумму денег и таким образом «наше дело» будет закрыто. Но когда Правдин узнал о том, что его дочь задержана за непристойное поведение с девочкой из соседнего класса, брат которой в это время с другими ребятами обворовал лифт, он решил, что «отмазывать» он будет только свое чадо. Но влюбленная дочка слезно просила отца, чтобы он спас Айварса и его сестру, которая является ее лучшей подругой. Отец пообещал помочь и внести за Айварса сумму, учитывая, что тот в момент кражи находился «на шухере», а это значит, фактически, ни в чем не виноват.

Правдин взял с дочки обещание, чтобы она прекратила всякое общения с нашей семьей, потому как мы дурно на нее влияем. Если она этого не сделает, то он посадит ее под домашний арест. Таня пообещала выполнить его просьбу при условии, что ее лучшие друзья будут вызволены из-под ареста.

Я вспомнила своего отца, который был рыбаком. Как же мне хотелось, чтобы он сейчас оказался рядом. Он помог бы нам всем и бедному Айварсу, который совсем потерял дух. Брат запутался в показаниях и совершенно приуныл. В те лихие 90-е деньги решали все, и отцу Правдиной было под силу вытащить его. Я завидовала Тане, у нее был отец, который боролся

за свою единственную дочь. Как мог, так и боролся. Может не с помощью справедливости, а с помощью денег, но боролся, и главное, что он был.

А дни становились все жарче, потому что была поздняя весна. Мои мозги потихоньку плавилась, я хотела, чтобы Айварс воспрянул духом, и они с Таней стали встречаться, я радовалась за близких мне людей, но увидела, что они вдруг стали отдаляться от меня.

Воспоминания об отце всегда творили со мной непостижимые дела. Стоило мне только увидеть отца Правдиной, как что-то важное из прошлой жизни, когда был жив мой отец, становилось на свои места. Я понимала, как должна быть благодарна Деве Марии за то, что я есть на свете, что моя мама и брат здоровы, что у нас есть эта квартира и я хожу в школу. Возможно, когда я окончу школу, я буду готова на что-то по-настоящему стоящее...

А два года назад была вот такая же жара, и утром мама занималась стиркой, мы тогда еще жили в рыбацком поселке, где дом покосился от старости. В дверь постучали, и я вздрогнула. Предчувствие беды придавило мое сознание, и когда мама пошла открывать дверь, я уже знала, что что-то случилось. К нам пришел участковый, и сказал, что...

– Ваш муж поехал на рыбалку...

– Мама! – кричала я в истерике. – Он же прекрасно плавает, с ним не могло ничего случиться!

Мама долго плакала, а Айварс ее долго утешал. И тогда я убежала из дома, одевшись во все черное, и даже подвела глаза черным карандашом, словно *готесса*. Мы поехали к папиной сестре, моей тете, когда уже никто ничего не сообщал. Мне казалось, что отец просто куда-то далеко заплыл и обязательно выплывет. Его сестра плакала навзрыд, она очень любила своего брата.

Более трети границы Латвии, протяженность которой составляет 1836 км – это граница с Балтийским морем. В народе принято разделять два «моря» – так называемое Открытое море со стороны побережья на востоке Курземе и Малое море – Рижский залив. Они сливаются вместе у мыса Колка, образуя бурлящие волны, которые грозят мореплавателям бедой.

Солнце жгло нестерпимо, опаливая мои рыжие волосы. Мне очень хотелось верить, что отец жив, но я знала, что это не так. Слезы уже высохли, и лицо стало каменное, мама рыдала, тетя тоже, Айварс держал глаза на мокром месте, и только я больше не проронила ни слезинки. Я хотела кричать всему миру, кого я буду теперь любить? Неужели вы не понимаете, что моя душа замерзла в недоумении?

Отец лежал на берегу моря на какой-то деревянной решетке. Его волосы были седыми на висках, и я поняла, что в последнее время он сильно волновался. Присев на четвереньки, я рассматривала его лицо. Я уверена, что он плыл, сражаясь за жизнь с каждым часом, но в какой-то момент сдался. Почему он сдался?

Пока все ходили и разговаривали с полицейскими, я все сидела возле отца. Я никак не могла поверить, что это он, мне казалось, что он где-то в море, плывет. А этот человек просто надел его рубашку и брюки и пошел на рыбалку. Я наклонилась к его лицу и поцеловала. И после, когда утешала брата, помогала маме и тете в похоронах, слушая наставления пастора на кладбище, просто бросила горсть земли и ушла. Потому что попрощалась я с ним еще тогда – у моря.

Потом мы с Айварсом долго гуляли вдоль стройки, и он подбирал окурки, раскуривая их возле каменных плит. Он смотрел на меня и спрашивал, почему я не плачу. Откуда ему было знать, как я убежала с кладбища и кричала в лесу надрывным криком? Откуда он мог знать, что я любила отца больше всех на свете? Как он не мог понять, что эта любовь так глубока во мне, что я никому не могу ее показать.

Все эти воспоминания оставались в моем сознании еще какой-то промежуток времени, и каждый раз, когда я смотрела на отцов своих одноклассников, вспоминала тот страшный день, два года назад. Откуда им знать, что люблю его и сейчас.

Таня стала встречаться с Айварсом тайно. Для этого они использовали крышу нашей девятиэтажки. Теперь четверка собиралась чаще. Они покуривали, а мы с Леной трепались обо всем на свете.

– Ну ты и чудная, Танька, – говорил Айварс, обнимая ее за талию. – Придумала же такое с сеструхой.

Ветер трепал ее темные каштановые волосы, она счастливо улыбалась ему. Казалось, это была самая счастливая парочка на свете. Я сидела с Леной на парапете, возле железных перил и наблюдала за счастливыми лицами влюбленных.

– Как думаешь, это любовь? – спросила я.

– Да, посмотри, как они воркуют, влюбленные голуби, – усмехнулась Костюшкина.

– А для тебя, что такое любовь? – мой взгляд был прикован к Тане.

– Это когда людей очень-очень тянет друг к другу.

– Как тянет?

– Тянет прикоснуться, поцеловать, а потом когда прикасаешься, то накатывает такая волна, что устоять не возможно.

– У тебя так было? – я перевела взгляд на нее.

– Да, с одним из мальчиков в нашем классе. Только потом он почему-то переключился на другую девочку. Это была романтика...

– И тебя очень сильно тянуло к нему?

– Да, очень, мы даже бегали с ним в лесопарк, где он сделал мне приятно в первый раз.

И, вдруг, мне стало ужасно любопытно как же это произошло. Красивые слова «сделал приятно в первый раз» звучали так, что душа затрепетала. А потом нахлынуло то теплое и приятное чувство, которое я испытала тогда в лифте с Таней.

– А у тебя было так? – спросила Лена.

– В первый раз?

– Да.

– Да было, только в более стесненной обстановке, не на природе.

– Где?

– В лифте.

Костюшкина рассмеялась, отчего я смущенно опустила глаза. Ее смех показался мне обидным.

– Мне Танька рассказала про этот случай в лифте, когда Айварса арестовали. Она потренироваться хотела с тобой в поцелуях, а ты так разомлела.

Последнее слово резануло по сердцу, и я вскочила. Было странное ощущение. Ощущение обнаженности души, когда над тобой смеется весь класс из-за того, что поддалась некому порыву. Но ведь совсем недавно мне казалось, что это было прекрасное чувство, про которое рассказывала Лена, в первый раз.

– Ты чего, Айна?

– Таня любит Айварса, – ответила я. – И у них любовь в первый раз.

– Да так и есть.

– Меня это никак не касается.

– Да, конечно, – произносила удивленная Костюшкина.

Таня целовалась с Айварсом не отрываясь и не обращая на нас никакого внимания, когда мы подошли к ним. Несколько минут мы следили за их чувственными порывами, пока Лена не кашлянула:

– Таня, когда мы пойдем к тебе?

Счастливая парочка смотрела на нас улыбающимися глазами. Сегодня они решили устроить небольшую вечеринку в квартире у Правдиной, пока родители отсутствовали. И это должна быть не просто вечеринка, а романтический вечер. Солнце и ветер играли в их волосах,

а на лицах было довольное выражение. Завтра в школе был выходной, а потому сегодня наступали благоприятные дни.

Любовные отношения среди молодежи было простое явление. Девочки достигали определенного возраста и начинали дружить с мальчиками. Вся дружба была построена на взаимных симпатиях, которые перерастали в нечто большее. Таня встречалась с Айварсом, Лена продолжала иногда видеться с одноклассником, который, время от времени, бегал с ней в лесопарк.

Я пока не встретила никого, кто бы мог взволновать мое сердце. Однако часто по ночам я чувствовала странное томление в теле. Мне хотелось чего-то теплого и нежного, я думала о подругах, которые наслаждаются радостью прикосновений, поцелуев с мальчишками и пыталась представить какого-нибудь мальчика из класса, но на ум почему-то лез только образ Тани. В голове всплывал тесный лифт, ее приближенное лицо и поцелуй. От этого в низу живота росло напряжение, разливаясь по всему телу. Я гнала от себя странные мысли, но они вновь настигали меня, тогда я представляла бирюзовое море, спокойное и тихое и быстро засыпала.

На востоке Рижского залива в 40 км от Риги находится местечко Saulkrasti. Оно образовалось на месте нескольких рыбацких поселений, где в центре находится Белая дюна, по которой до самого центра пролегает живописная Saulrieta taka. Отец часто снился мне на этой тропе заходящего солнца, я улыбалась ему, он уходил в море...

Глава 4

В юном возрасте любовь приходит внезапно и пронзает так, что кажется весь мир кружится в розовых красках вокруг тебя. Таня Правдина испытывала окрыленные чувства, позабыв обо всем на свете, даже о нас с Леной. То далекое сложное время накладывало отпечаток на уклад простых семей. Там, где не было основного кормильца, дети стремились подработать, а так как в 90-е это было невозможно, то все попытки сводились к нелегалышине. В частности, это коснулось нашей семьи, тот случай с кражей лифтового оборудования не прошел для Айварса бесследно, он так и не осознал, что если бы ни первая влюбленность, то отец Тани вряд ли что-то бы сделал. А когда первое преступление легко сходит с рук, то подросток чаще всего думает, что и последующие будут проходить также легко.

Айварс видел, что Таня в школе девчонка видная, выглядит старше своих сверстников и иногда заглядывается на взрослых ребят. Одевается достаточно модно по тем временам, покуливает, а это значит, что и запросы у нее высокие. Поэтому ему понадобились деньги. А их он мог взять только там, где брал уже однажды. Пришлось ворошить былые связи пацанов, сдающих медь.

Если раньше организованный бандитизм причислялся к одиночным преступлениям, то уже к началу 90-х городскому отделу полиции пришлось решать задачи по обузданию массового бандитизма в городе и в районе. В условиях несовершенного законодательства, экономического развала и упадка нравов, демократия в Латвии стала развиваться очень своеобразно. Михаил Задорнов, известный юморист, который родился в Риге, как-то сказал: «Степень преступности легко определить на глаз – по количеству решеток на окнах квартир и офисов. Чем больше их, тем выше здесь уровень демократии». После 1991 года люди решили не пользоваться парадными подъездами, двери закрыли на замки, начав ходить через входы со дворов. Они чувствовали опасность своих родных улиц, и не напрасно. Спустя некоторое время парадные подъезды домов стали использовать как небольшие фотоателье, магазинчики видеокассет, парикмахерские и лавочки с привозными товарами Запада.

Тогда и стали формироваться первые бандитские группировки. С начала 90-х годов в Риге началась эпоха дикого капитализма со всеми его элементами: рэкетом, проституцией, наркоманией, контрабандой.

В кино ходили очень редко, его стали вытеснять видео фильмы, появляющееся в специальных прокатах. Прокаты видео фильмов находились в подвальных помещениях, взятых в аренду под это дело. В основном там крутили эротические зарубежные фильмы на видеокассетах, привезенных из-за границы. Айварс, как человек скромный и еще не испорченный выплывающей из-за «кордона» порнографией, решил сводить Таню в нормальный кинотеатр.

Известный кинотеатр «Рига» имел два зала. Большой – на 600 зрительных мест и Малый под названием «Спартак». За ненадобностью большой зал закрыли до лучших времен, работал только малый. Несмотря ни на что, кинотеатр оставался классикой жанра, которую мог позволить себе любой подросток, пригласив на свидание девушку.

Места для поцелуев – так в народе называли задние ряды кинозала, где можно было, не мешая смотрящим, вольно расположиться, поесть поп-корна, выпить пива, поговорить шепотом, и, конечно же, пообниматься и поцеловаться.

Таня надела легкую юбку на молнии и хлопчатобумажную блузку, с расстегивающимися впереди пуговицами. Айварс подготовился по-мужски, купив все необходимое.

С прилавков стало исчезать мясо, и на полках появились пельмени, не понятно из чего сделанные, однако они считались сытной едой. Если съесть 10—12 пельменей, политых кетчупом или майонезом вприкуску с хлебом, то можно считать, что съел сытный обед. Айварс

задумал сделать из кинозала бар «Спартак». Он купил пачку пельменей и пожарил их на сковороде. Затем сложил в пластмассовый пищевой контейнер и полил кетчупом.

– Вау! – облизнувшись. – Айна!

– Да? – отозвалась я.

– Ну как думаешь, сегодня все будет все хорошо?

– Отлично!

Я посмотрела на брата. В новых *мальвинах* он выглядел респектабельно. Мальвинами называли поваренные джинсы светло-голубого цвета, привезенные из-за границы. Он купил их на распродаже на рынке б/у вещей.

Аккуратно сложив в пакет контейнер с пельменями и две бутылки «жигулевского», я вручила поклажу брату.

– Давай, потом расскажешь, как все прошло, – усмехнулась я. – Джинсы не запачкай.

Когда Айварс пришел в кино, то кроме них там были еще две пары. Бабка с внуком и две подружки, которые пришли с кем-нибудь познакомиться. Они сели в середине зала, а бабка с внуком с левого края, где-то впереди. Таня с Айварсом пошли на самые последние ряды и тут же расположились, поставив бутылки с пивом на пол, а пакет с пельменями на сиденье рядом.

– А ты сеструхе о нас все рассказываешь? – поинтересовалась Таня.

– У меня нет от нее секретов.

– Хм. А она, небось, и рада послушать про нас что-нибудь такое.

– Ага, рада, – сказал Айварс и, взяв бутылку, принялся открывать ее о спинку сиденья впереди.

Щелчок, шипение и стук железной крышечки о паркет заставил девчонок встрепенуться и зашущукаться. Одна из них обернулась. Айварс улыбнулся, принявшись открывать вторую бутылку, поставив первую на пол возле Тани.

– Салфетки забыл положить, – сказал он, откупорив вторую бутылку. Из бутылки потекла обильная пена, которую тут же отерла Таня, достав из кармана носовой платок.

– Все есть, не спеши, пока журнал идет.

В кино на скучном сеансе по Таниному колену заскользила рука Айварса. Она закусила губу, чтобы не выдать волнения. Хотя кому оно будет видно в темном зале кинотеатра? Те две девчонки давно увлечены фильмом, а потому происходящее на экране вмиг перестало ее интересовать, сосредоточенную на собственных ощущениях.

Другая рука Айварса, вальяжно расположившаяся на плече, притянула пышное тело, и Таня почувствовала губы, впившиеся в ее рот. Ее грудь принялись исследовать: пальцы чувственно гладили бархатистую поверхность, скользнув под блузку.

В таком виде, с голой грудью и со страстным поцелуем, Таня и встретила окончание фильма. Скандал все же мог случиться, если бы Айварс не сообразил навалиться на нее, закрыв полуобнаженное тело своей спиной, когда вспыхнул свет.

«Анька, пошли!», «Ой, смотри, они в своем репертуаре!» «Сначала пиво, потом, это» – услышала Таня реплики девчонок, автоматически отвечая на поцелуй Айварса. И едва она краем глаза отметила, как последний зритель покинул помещение, то решительно отстранила Айварса и порывисто вскочила на ноги. Какой позор! Но так зажигает! Такие возможности упускать было нельзя. Она совершенно пропустила момент, когда Айварс успел расстегнуть молнию на юбке, в результате чего оказалась не только с одной обнаженной грудью, но и вообще голой ниже пояса.

Правдина оцепенела в прострации, автоматически пытаясь поправить бретельку, а симпатичный нахал, пробормотал:

– Tu esi milu, – положив одну ладонь на упитанное бедро, а второй сноровисто забрался между ног. Таня пискнула, но было поздно... Сбежать все еще не было никакой возможности, юбка лежала под ногами.

Когда полицейский зашел в кинозал, то смущенно опустил глаза. Его вызвали сюда не случайно – билетерша, увидев непристойности в кинозале, позвонила в полицию.

Айварс с Таней поняли, что распитие пива и непристойные занятия теперь обернутся им отправлением в участок. Полицейский попросил их привести себя в порядок и пройти с ним. Он выяснил в каком районе они живут, отправив их в полицейский участок, закрепленный за участковым Гуделисом. Тот встретил их с улыбкой на лице.

– Помнится твой отец, – произнес он. – Предупреждал, что не хорошо заниматься непристойностями в общественных местах. У тебя уже был случай с сестрой в лифте, а сейчас перекинулась на брата в кинотеатре?

Таня молчала, не зная что ответить.

– Думаю, мне следует позвонить Михаилу Правдину и рассказать ему, чем занимается его дочь во время уроков.

– Звоните! – выкрикнула обиженно Таня.

Она еще не понимала, что ее ждет впереди, потому как на след банды по краже и сдачи меди подельников Айварса уже напали.

Михаил Правдин рвал, метал и не скупился ни на какие деньги для участкового. Кражи лифтового оборудования продолжались постоянно, и нужно было делать план по ловле преступников. Поэтому прибавка в зарплате и денежное вознаграждение от Правдина Гуделису как раз пришлось кстати.

Три дня я пыталась дозвониться до Тани, но к трубке она не подходила. Отец посадил ее под домашний арест, запретив даже выходить в школу. К телефону подходила Танина мать, настроенная против нашей семьи. Днем позже Айварса арестовали, у него нашли несколько медных рулонов. В кабинете у Гуделиса у них состоялся неприятный разговор. На этот раз завели серьезное дело, которое не давало ему больше ни одного счастливого шанса.

Глава 5

Две недели одиночества тянулись как назло медленно. Об аресте Айварса узнали в классе, и Илзе Римша стала относиться ко мне строго и с некоторыми претензиями. Я сразу же скатилась по математике и замкнулась в себе. Таня в школе не появлялась. На перемене я поинтересовалась у Лены, почему она не ходит в школу, та ответила, что заболела.

Когда Таня пришла в школу, Наталья Иосифовна Венгер встретила ее радушно, сказав, что наверстать пропущенные занятия ей не составит труда. Накануне ей звонил Михаил Правдин и что-то долго объяснял. Когда мы встретились с ней на перемене, я заметила, что взгляд у нее был потухший.

– Как ты? – спросила я.

– Айна, мне жаль, что так получилось с Айварсом...

– Мне тоже.

– Ему дали два года...

Она странно смотрела на меня, а потом, развернувшись, ушла. Я заметила, что на переменах она больше не подходила ко мне, а после школы быстро уходила домой с Леной, не дожидаясь как раньше у крыльца.

«Она учится в образцово-показательном 9 „А“ классе, в котором все ученики считаются лучшими, – подумала тогда я»

В нашем районе формировались свои компании, разделяющие дома на территории. В моей девятиэтажке группировалась компания ребят, которые облюбовали местный чердак. На чердаке жили голуби, так как он находился между девятым последним этажом и выходом на крышу. Вход на чердак был закрыт железной дверью, ключ от которой был у управляющего ЖЭК. Мальчишки, взломав замок, навесили туда свой, а внутри, потеснив голубей, устроили местную *камору*. Лабиринт бетонных стен они обклеили обоями, из старых обломков мебели сделали стол и сиденья. Притащили матрасы от разломанных диванов и повесили ширмы, заменяющие двери. На чердаке во весь рост ходить было не возможно, приходилось немного пригибать голову, чтобы не разбить ее о бетонные балки, поддерживающие крышу.

Камора стала местом сходов компании ребят нашей школы, и это тщательно скрывали от других ребят, в случае погрома и от родителей. Посещали чердачную камору тайно, ключ был у главного. Собравшись, ребята курили, выпивали и приводили девчонок.

В один из выходных дней Таня предложила мне пойти с ней.

– Айна, пойдем со мной кое-куда, – сказала она и подмигнула карим глазом.

– Куда это?

– Мои одноклассники приглашают в гости, там трое мальчиков, по этикету нужно и три девочки.

Мы зашли за Костюшкиной и направились в крайний подъезд возле арки, где находилась тайная камора.

Когда мы зашли на чердак и прошли, пригнувшись до условленного места, то увидели неказисто построенную комнату, напоминающую обустроенный шалаш.

– Sveiki еврейки, – шутливо поздоровался с нами Павел Пихта. Он был здесь главным, и глаза его светились довольством.

– Познакомьтесь ребята, – Правдина манерно поправила темно-каштановые волосы. – Это Айна Силиня из 9 «Б», моя подруга.

– Это Ванька и Юрка, – сказал Пихта.

Среди них я узнала ребят из 9 «А» класса: Паша Пихта, Иван Заяц и Юра Мазгус.

– Угощайте, – сказала Таня с насмешкой, присаживаясь возле Пихты.

Мы уселись на старые матрацы, застеленные вязаными ковриками, которые в то время клали подле входных дверей. Сейчас они скрывали желтые пятна на матрацах, которые когда-то были кроватями пенсионеров. Пихта вынул из кармана пластмассовый складной стаканчик и развернул его. Затем из тумбочки, которая играла роль стола, достал початую бутылку портвейна. Откупорив ее, налил полный стакан и сделал глоток.

– Заяц, – обратился он к своему другу. – Пускай чашку по кругу.

Павел Пихта был невысокого роста блондин с круглым лицом, упитанный, но достаточно симпатичный. Обняв Таню, он улыбнулся мне белозубой улыбкой.

– Угощайтесь, девочки!

Иван Заяц долговязый блондин с мечтательными глазами, жил в соседнем подъезде нашего дома. А Юра Мазгус чернобровый коренастый крепыш, полностью зависящий от авторитета Пихты, в соседнем доме.

Когда «передаваемая чаша» дошла до меня, я вдохнула терпкий запах. Это был момент, когда я впервые пробовала спиртное. Благодаря Тане Правдиной, я приобщалась к «подростковым порокам», которые делали нашу жизнь веселее, разнообразнее и интереснее.

– Пей, Айна! – подзадоривала она меня. – От трех топоров словишь кайф!

Так она называла портвейн «три семерки». Это было крепленое вино, самое популярное вино нашего времени. Крепость его была 17—19%, красный или розовый, он бил в голову очень быстро.

Портвейн 777 типичная бормотуха, но среди подростков был популярен по причине его крепости и дешевизны. Бормотуха – дешевое крепленое вино, приготовленное из смеси спирта, воды, сахара, красителей и гнилых фруктов. Использовался портвейн исключительно для достижения алкогольного опьянения, вкусовые качества большой роли не играли, и потребляли его местные алкаши и молодежь. Подростки просили спивающихся дядек купить им бутылочку, давая краденые деньги у родителей. Те покупали себе и мальчишкам и, иногда, распивали портвейн вместе.

Тогда было много портвейна и вермута, а также плодово-ягодных вин. Все это типичная бормотуха, которая могла вызвать сильное отравление, рвоту и прочее недомогание. В начале 90-х бормотуху иногда продавали в стеклянных банках по 3 литра, а также в запаянных полиэтиленовых пакетах. Часто подростки покупали ее, но солидным считалось, если пойло в бутылке с этикеткой, типа «Портвейн «777» или «Плодово-ягодное вино». В продаже также появлялись различные «лекарственные» настойки в аптеках крепостью 60—95%. Поскольку стоимость спирта всегда ниже чем бормотухи, то молодежь любила употреблять и эти настойки. Если не удавалось купить Портвейн 777, то покупали различные настойки или другие плодово-ягодные вина, которые подростки именовали – чернило. Бутылка чернила стоила 2 рубля 20 копеек, пустую бутылку сдавал, имея 15 копеек.

Павел Пихта подготовился к нашему приходу хорошо, и достал солидную бутылку портвейна «777». Мой первый курс во взрослую жизнь начался с пробы именно этого винного напитка.

– Пашка, давай плесни еще, – не унималась Правдина. – Я хочу настоящий праздник!

Пихта потянулся за бутылкой, улыбнувшись.

– Девчонки, как вам три семерки? – спросил он, отпивая большими глотками из складного стаканчика.

– Айна, Ленка, выжимай по полной! – Таня засияла от радости, ее манило все новое и запрещенное.

Пустив еще одну «чашку» портвейна по кругу, Пихта раскраснелся.

– Ванька, Юрка вы не робейте, такие девчонки с вами!

Портвейн бил в голову, я чувствовала, как расслабляются ноги и руки. Пихта обнимался с Таней, а Лена стала заигрывать с Мазгусом. Я сидела и пиялась на ребят. Голова закружи-

лась, и мысли стали путаться. Появилась странная легкость во всем теле. И это легкое головокружительное чувство раскрепощало. Вскоре я развалилась на матрасе, вытянув воздушные ноги.

– Классно тебе, Айна? – поинтересовалась Правдина. – Подожди, будет еще лучше!

Когда бутылка портвейна была выпита, всех потянуло на откровенные разговоры.

– Тань, а у тебя парень есть? – рука Пихты сползла к ней на талию.

– Я любила одного парня, которого сгноил мой отец.

– Из нашей школы?

– Из 9 «Б» класса, – ответила она и с грустью посмотрела на Пихту. Тот достал еще одну бутылку портвейна из импровизированного стола. Костюшкина загадочно захихикала, передавая «чашку» по кругу. Портвейн делал всех болтливыми.

– Его звали Айварс, это брат Айны, – сказала Таня.

– Брат? – заинтересовался Пихта.

Правдина нервно засмеялась, глотнув терпкого портвейна. За ней отпила я, он уже не казался мне таким противным. На моих глазах камора стала превращаться в один сплошной пьяный угар.

– Айна, не теряйся, – Таня быстро пьянела и странно смотрела на меня. – Выбирай мальчика и определяйся. По-моему жизнь нам дает такую возможность прямо сейчас.

– Я не готова, не могу, – отнекивалась я.

– Ну и дура же ты!

– Прекрати!

– Да пошла ты!

Она прильнула к Пихте и они начали целоваться. Мазгус и Заяц сидели с равнодушием, глаза на этот спектакль. Недолго думая, Костюшкина прильнула к Мазгусу, тот как-то сразу покраснел, но не отстранился.

Пихта, оторвавшись, плеснул в стакан портвейна.

– Девчонки, отрываемся по полной! – отпив глоток, он обтер «мокрые усы».

Захмелевшие мальчишки пустили в ход блуждающие руки. Пихта задрал белый сарафан Тани, заваливая ее на старый матрас. Лена не отрываясь, целовала Мазгуса, сжавшего ее огромными ладонями. Заяц дернулся в мою сторону, но остановился, он ждал, что я дам ему сигнал. Видя неактивность с моей стороны, неподвижно сидел, не зная, куда деть глаза.

Я встала, неприязнь выгнала меня в черноту чердачного пространства. Под ногами шуршали камни и помет голубей. Я присела возле маленького окошка на корточки и вдохнула свежий воздух. Ко мне подошел Заяц.

– Айна, ты не подумай... Я не такой, как они...

– Я тоже... – сказала я и пошла к выходу, мне невероятно захотелось на улицу.

Когда я вышла на воздух, то почувствовала тошноту, подступившую к горлу. Мутило то ли от выпитого портвейна, то ли от поведения подруг. Заяц выбежал за мной на улицу, и, схватив за руку, крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.